

Э.Д. Эрдынеева, О.М. Козина

ЗАКОНОМЕРНОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ БУРЯТИЗМОВ
В РУССКИХ ГОВОРАХ ЗАБАЙКАЛЬЯ (имена существительные)

Одно из требований современной описательной диалектологии — внимание исследователя ко всем языковым особенностям изучаемых диалектных микросистем как в пределах одного, так и всех уровней их структур. При этом имеется в виду, что ни одна диалектная микросистема, сложившаяся исторически, не сохраняется в исходной форме. Особенно важно это положение при изучении русских говоров вторичного образования, к которым относятся и говоры русского старожильского населения Забайкалья. При этом часто актуальными являются вопросы о результатах межъязыкового контактирования.

Проблемы межъязыкового контактирования в русской диалектологии имеют длительную научную традицию. Причем различаются формы такого контактирования, которые могут варьироваться по степени интенсивности и длительности. Основная проблематика изучения таких контактов заключается в выявлении специфики взаимодействий на различных уровнях диалектных микросистем (относительная устойчивость или проницаемость различных языковых уровней) и определении закономерностей изменений заимствований.

Заимствования из языков автохтонного населения Сибири, относящиеся к специфическим местным особенностям диалектной речи русских старожилов, представляют собой достаточно сложный и интересный объект изучения. Так, Н.Т. Бухарева, указывая, что "в сибирской диалектологии проводится значительная работа по изучению межъязыковых отношений определенного русского говора и контактирующего с ним языка или диалекта аборигенов края", подчеркивает, что "исследования русских говоров, контактирующих с языками сибирских аборигенов, вносят значительный вклад в общую проблему межъязыковых контактов, поскольку они раскрывают своеобразные особенности как в плане заимствования иноязычного слова в русский говор, так и в плане его освоения в

системе диалектного языка"¹. Вопросов языкового контактирования русских старожилов Сибири с коренным населением касался в "Диалектологическом очерке Сибири" А.М. Селищев². В последнее время появился целый ряд интересных работ, в которых рассматриваются различные аспекты функционирования иноязычных заимствований в старожильческих говорах русского населения Сибири³.

Имеющиеся языковые материалы свидетельствуют о наличии довольно большого количества бурятизмов в забайкальских русских говорах. В частности, заимствования отражены в "Словаре русских говоров Забайкалья" Л.Е. Элиасова⁴. Представляют интерес результаты их освоения носителями местных говоров.

Исследователями отмечается, что способы заимствования и освоения иноязычных слов сибирскими русскими говорами различных ареалов совпадают в общих чертах. Везде заимствование прежде всего осуществлялось устным путем, путем непосредственного общения. При этом освоение характеризуется определенными языковыми закономерностями.

В русских говорах старожильского населения Забайкалья освоение бурятизмов сопровождалось во многих случаях значительным изменением слова, связанным прежде всего с фонетической интерференцией и влиянием грамматической системы русского языка, а также обуславливалось в некоторых случаях и лексико-семантическими явлениями. Следует отметить, что в настоящее время имеется определенная литература, посвященная тем или иным вопросам и результатам русско-бурятского контактирования на уровне говоров территорий Забайкалья. В частности, интересны данные и выводы наблюдений над старожильческими русскими говорами юго-западной части Забайкалья в статьях К.Н. Матвеевой⁵.

В связи с этим анализ полевых материалов, собранных нами по специальной программе в ряде районов Бурятии, сопоставление с данными и сведениями в имеющейся литературе по бурятизмам позволяют представить общую картину их функционирования в говорах старожильского забайкальского населения и говорить о существовании общих закономерностей при их освоении. В свою очередь это подтверждает также существующее в сибирской диалектологии мнение, что закономерности освоения и изменения иноязычных слов на территории Сибири совпадают в общих чертах, особенно на морфологическом уровне.

Так, морфологический анализ заимствований показывает, что в категориальном отношении они относительно однородны. Большинство бурятизмов — это имена существительные. Заимствованные слова других грамматических категорий — прилагательные, глаголы, наречия — редки. Такая "избирательность", очевидно, была вполне закономерна и обусловлена как экстра-, так и интралингвистическими факторами. В частности, русскими старожилами Забайкалья были заимствованы преимущественно слова, обозначающие новые для них и необходимые в обиходе реалии бытового уклада. Потребность в заимствовании новых слов, обозначающих признаки предмета, действия, была сравнительно незначительна. Интралингвистическая причина, очевидно, заключалась в том, что при контактировании разносистемных языков закономерно возникал определенный грамматический барьер. В связи с этим следует отметить, что результаты анализа заимствований в других старожильческих русских говорах Сибири показывают, что имена существительные в них также составляют большую часть иноязычных слов⁶. Очевидно существует общая внутриязыковая закономерность при освоении иноязычных слов говорами старожильского русского населения Сибири: существительные располагают большими возможностями в адаптации и приспособлении к морфологической системе русского языка.

Заимствованные существительные при включении в систему русских говоров закономерно приобретают соответствующие морфологические признаки, в первую очередь, значение рода. Одно из важных структурных отличий морфологической системы бурятского языка от русского заключается в отсутствии грамматического рода. В распределении заимствованных бурятских слов по родам наблюдается повсеместно такая закономерность, как зависимость от внешней исходной звуковой формы слова. Довольно последовательно бурятизмы, оканчивающиеся на согласный звук, в забайкальских говорах приобрели грамматическое значение мужского рода: аргал (бур. аргал⁷), хахир (хохир) 'подстилка скоту'; хамкул (хамкул) 'трава перекасти-поле'; гадыр (гадар) 'войлочный матрац'; магнай (магнай) 'лоб'; хархой (хорхой) 'червяк'; найон (нойон) 'начальник' (экспр.) и т.п. Подобные бурятизмы проявляются и на синтаксическом уровне, в соответствующем согласовании с прилагательными, местоимениями, числительными. Например: 'хамкул шибко колючий'; 'раньше-то почти у всех вой-

лочный гадыр был'; 'он такой большой найон стал, что и разговариват с нами по-другому'.

В имеющихся материалах ясно прослеживается и такая закономерность, связанная с морфологическим освоением бурятизмов, как превращение в маркированный морфологический формант так называемого неустойчивого конечного бурятского н. При этом соответствующие имена существительные носителями русских говоров осознавались как слова мужского рода по аналогии с морфологической особенностью родного языка. Например, бурятское слово буруу(н) 'годовалый теленок' повсеместно в русских говорах стало бурун: 'бурун, когда год ему, а потом уж кашырик'; даага(н) 'двухлетний жеребенок' - даган: "и даган, и лончак, одно и то же"; тэмээ(н) 'верблюд' - тымен: "он все молчит, адали тымен".

В соответствии с закономерностью морфологической системы русского языка заимствованные существительные с конечной гласной а часто осознавались как слова женского рода. Соответственно конечный гласный приобретал функцию флексии женского рода. Это можно проиллюстрировать такими примерами: ганга 'чебрец', каптурга 'кисет для табака', харгана 'мелкий кустарник', шара 'чайные выварки': 'ганга такая душистая трава, полезная тоже'; 'у тяти каптурга расшитая была, всегда ее носил с собой', 'одна харгана здесь растет', 'теперь у чая шара черная'.

В целом можно говорить о довольно последовательном приобретении у заимствованных существительных категории женского или мужского рода. При этом бурятизмы часто оформлялись по аналогии с внешним видом соответствующих русских словоформ, относящихся к тому или иному роду.

Определенная часть бурятизмов приобрела категорию грамматического числа. Так, повсеместно различаются формы единственного и множественного числа у бурятизмов типа бурун - буруны, гуран 'дикий горный козел' - гураны, иман 'домашний козел' - иманы, карым 'метис' - карымы. Они приобрели и систему окончаний, свойственную единственному и множественному числу существительных в русском языке.

К показательным закономерностям морфологических изменений бурятизмов относится их включение в падежную систему русского языка. Как правило, они изменяются по падежам в соответствии с парадигматической системой русских говоров. Например: И.п.

атхон 'младший ребенок в семье', Р.п. атхона 'у ихнево атхона болзень эта давно'; Т.п. атхоном 'с атхоном сейчас живу, остальные дети в городе'; И.п. шуля 'мясной бульон', Р.п. шули 'от шули сила прибавляется', В.п. шулю 'шулю выпьешь'.

Морфологический анализ наиболее распространенных и употребительных в местных русских говорах заимствованных из бурятского языка имен существительных позволяет говорить об их полном, как правило, морфологическом изменении. Показателем этого является приобретение ими таких классифицирующих морфологических категорий русского языка, как род, число, падеж.

¹ Бухарева Н.Т. Сибирская лексика и фразеология. - Новосибирск: Наука, 1968. - С. 104, 105.

² См.: Селишев А.М. Диалектологический очерк Сибири. - Иркутск, 1921. - С. 267-271.

³ См.: Ольгович С.И. Иноязычные слова в русских старожильческих говорах средней части бассейна р. Оби: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. - Томск, 1964; Иванова В.Ф. Об эвенкийских заимствованиях в русском старожильческом говоре Среднего Причунья Иркутской области // Материалы и исследования по сибирской диалектологии. - Красноярск, 1965; Орлова Т.И. Хакасские заимствования в русском говоре Бийского района Хакасской автономной области // Вопросы языка и литературы. - Вып. 2, ч. 1. - Новосибирск, 1968; Попова Г.И. Из наблюдений над историей заимствования терминов охоты и рыболовства в русских старожильческих говорах северо-восточной части Восточной Сибири // Русское народное слово в историческом аспекте. - Красноярск, 1984.

⁴ См.: Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. - М.: Наука, 1980.

⁵ См.: Элиасов Л.Е. Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. - Улан-Удэ, 1965; Дарбеева А.А. О некоторых вопросах взаимодействия разносистемных языков на уровне говоров // Язык и общество. - М.: Наука, 1968; Эрднеева Э.Д. Формирование русских говоров Бурятии в условиях межязыкового контактирования (на материале заимствованной лексики) // Русское народное слово в историческом аспекте. - Красноярск, 1984; Матвеева К.Н. Адаптация заимствованных из бурятского языка слов в русских говорах Западного Забайкалья // Исследования лексики и фразеологии говоров Сибири. - Красноярск, 1984; ее же. Заимствования в лексической системе русских говоров южной части Бурятии // Диалектная лексика в русских говорах Забайкалья. - Улан-Удэ, 1985.

⁶ См.: Ольгович С.И. Указ. соч.

⁷ В скобках здесь и далее дается исходная бурятская словоформа.